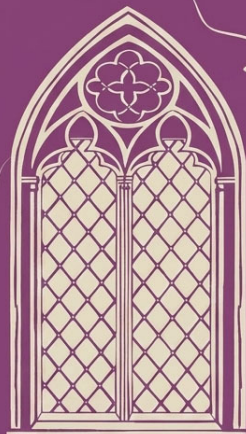
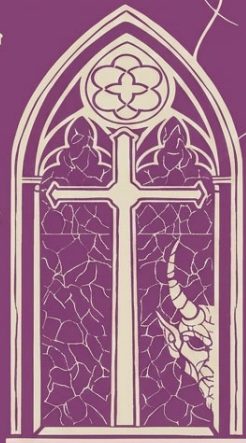

ФРЕДЕРИК СУЛЬЕ

Мемуары Дьявола

Том 8

Фредерик Сулье
Мемуары Дьявола.
Том восьмой
Серия «Магистраль. Главный тренд»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74575671
ISBN 978-5-04-256531-1

Аннотация

Восьмой том мистического романа «Мемуары дьявола».

Одержимый желанием управлять чужими судьбами, Луици сам становится марионеткой. Разоренный и утративший контроль над ситуацией, он оказывается в сумасшедшем доме, где встречает жертв своей бездумной игры. Дьявол показывает ему финальный гротеск: чтобы поправить дела, барон вынужден свататься к немолодой крестьянке. Цена «Мемуаров Дьявола» оказывается слишком высокой даже для того, кто все это заказал.

Фредерик Сулье – французский писатель, драматург и журналист эпохи романтизма, один из самых ярких и недооценённых литераторов своего времени. При жизни он соперничал в популярности с такими авторами, как Александр Дюма и Оноре де Бальзак, однако его имя сегодня известно меньше, чем имена его знаменитых современников.

Содержание

Глава I	5
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Фредерик Сулье

Мемуары Дьявола

Том восьмой

Frédéric Soulié

LES MÉMOIRES DU DIABLE

© Трынкина Е. В., перевод на русский язык, 2025

© Пахсарьян Н. Т., статья, комментарии, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава I

Господин де Лозере, оставшись наедине с Матье Дюраном, явно чувствовал себя не в своей тарелке и не знал, как приступить к делу. К смущению примешивалось раздражение от затянувшегося ожидания и от ощущения, что банкир нарочно, самым неприкрытым образом, как мог его затягивал. Однако эти чувства обозначились на лице графа лишь плотно поджатыми губами: он искусно скрывал свою злость под маской непринужденной вежливости. Но Матье Дюран слишком хорошо знал людей и понимал, что ему удалось задеть за живое явившегося к нему спесивца и что, должно быть, только крайняя нужда заставляет графа молча проглотить оскорбление. Вследствие этого умозаключения банкир решил во что бы то ни стало заставить гостя почувствовать, что он потешится всласть и отыграется сполна за тот вечер у господина де Фавьери, когда господин де Лозере так недальновидно презрительно обошелся с ним.

Для начала Матье Дюран отказался от обычного обмена ничего не значащими любезностями, чтобы не дать графу времени прийти в себя. Банкир молча указал гостю на кресло и устроился сам в другом, слегка склонившись к собеседнику и как бы говоря всем своим видом: «Я вас слушаю». Господин де Лозере решился наконец приступить к делу, однако, желая преодолеть охватившее его унижительное волнение

и казаться спокойным, сделал слишком значительное усилие и мгновенно принял привычный наглый вид, не сумев удержаться на грани благоразумной учтивости и сдержанности.

«Я проявил настойчивость, сударь, в ожидании вашего всемилостивейшего благорасположения. – Несмотря на все старание графа быть любезным, голос его зазвучал насмешливо и слегка напряженно. – Я пришел, чтобы признать победу капитала, и, надеюсь, последний не окажется суровым тираном. Сильные властители, как правило, добры к тем, кто добровольно изъявляет покорность».

Однако Матье Дюран не захотел принять этот легкомысленный тон и холодно заявил:

«У меня очень мало времени и куча дел, господин граф; думаю, сие обстоятельство вполне извиняет меня за ожидание, которое показалось вам столь долгим».

«По счастью, у меня очень мало дел и куча времени, – чарующе улыбнулся граф. – Думаю, это вполне объясняет, почему я так охотно теряю его в вашей приемной».

«Что ж, господин граф, если вы не хотите, чтобы мы продолжали сорить временем, сообразоволите перейти прямо к делу, приведшему вас сюда».

Напоминание о действительной цели визита, казалось, резко оборвало кичливо-дурашливые излияния, в которые ударился де Лозере. Он вновь смутился, дав Матье Дюрану еще раз понять, как крепко тот держит в руках самые что ни на есть кровные интересы своего недруга. И после некоторой

паузы граф продолжил:

«Припоминаете ли вы, сударь, сделку, предложенную нам маркизом де Беризи, согласно которой я согласился проплатить через вас приобретенные у него лесные угодья...»

«Разумеется, я прекрасно помню, – отозвался банкир, – как я согласился получить от вас деньги, причитающиеся господину де Беризи».

Де Лозере досадливо прикусил губу, услышав этот ледяной повтор слова «согласился». На самом деле оно выскользнуло у графа де Лозере без намерения задеть собеседника, но привычка пересилила стремление быть попроще и пообходительнее; граф вдруг ясно осознал, что имеет дело с человеком, который не собирается спускать кому бы то ни было даже малейшей попытки показать свое превосходство. Его довольно глубокая досада, однако, быстро улетучилась, и он продолжил:

«Из двух миллионов франков, что вы соблаговолили согласиться принять, вам передали миллион двести тысяч».

«Совершенно верно, сударь, и недостающую сумму вы обязались внести в течение текущего месяца».

«Как раз по поводу последнего платежа я и хотел бы попросить у вас отсрочки на несколько месяцев».

«У меня? Но, сударь, – банкир неподдельно удивился, – позвольте заметить, что в этом деле я всего лишь кассир, не более того, и только лично господин маркиз де Беризи может предоставить вам подобную отсрочку».

«Я ожидал подобного возражения с вашей стороны, господин Дюран, и, чтобы ответить на него, считаю себя обязанным объяснить вам, почему я не могу выполнить мои обязательства».

Банкир наклонился к нему поближе, и де Лозере признался:

«Сударь, оформляя эту сделку, я рассчитывал получить подряд на поставки для алжирской экспедиции».

«Понятненько, – презрительно фыркнул банкир. – Вы, сударь, рассчитывали нажиться на столь прибыльных спекуляциях и получить недостающую для оплаты лесных угодий сумму».

«Нет, господин Дюран, – возразил де Лозере, – все было не совсем так. В то время я располагал необходимой суммой; но один подлый проходимец втянул меня в авантюру, то есть, как вы это называете, в спекуляции, и, под предлогом подкупа должностных лиц, которые якобы должны были предоставить мне этот подряд, обчистил меня на огромную сумму».

Услышав это откровение, Матье Дюран не удержался от злорадной гримасы:

«Сударь, изложите ваши доводы господину де Беризи, заверяю вас, он охотно пойдет вам навстречу».

«Думаю, не так охотно, как вы, – тут же отозвался де Лозере. – Маркиз – старый провинциальный дворянин, далекий от понятий о том, как на самом деле крутятся дела; в то

время как вы, господин Дюран, должно быть, собаку на этом съели...»

«Я понятия не имею, – с презрением оборвал графа банкир, – какого рода дела вы имеете в виду. Мы, ничтожные людишки, знаем только... законные пути».

Трудно объяснить, отчего Матье Дюран запнулся и сказал «законные», а не «честные», чуть было уже не сорвавшиеся у него с языка, – помешали то ли остатки учтивости, не позволившие подобным словцом чуть ли не плюнуть графу в лицо, то ли воспоминание о сцене, произошедшей между ним и господином Дано, когда он столь малоподобяющим порядочному человеку образом ради собственной выгоды обернул в свою пользу эту самую законность; как бы то ни было, де Лозере заметил его заминку и разгадал слово, которое банкир имел в виду, но не произнес вслух. Тем не менее он никак не обнаружил своей догадливости, а, наоборот, напустив на себя важный вид, с редкой непоследовательностью продолжал:

«Несомненно, все это не соответствует закону до последней буквы, и потому было бы странным сделать подобное признание тому, кто творит эти законы, члену верхней палаты¹, пэру Франции».

«Но вы считаете, что подобное признание можно доверить

¹ *Верхняя палата* – одна из двух палат парламента во Франции в 1814–1848 годах. Состояла из пэров – представителей духовенства или дворянства высокого ранга, назначаемых королем или выбираемых в результате непрямого голосования.

депутату от народа, – сурово ответил Матье Дюран и с обидой добавил: – Члену нижней палаты».

Граф, ясно ощутив всю свою неловкость, попробовал исправить ее напускным простодушием:

«Ну что вы в самом деле, господин Дюран! Не стоит нам между собой разыгрывать дурацкие комедии; вы лучше меня представляете, как все это делается; вы же светский человек, в конце концов!»

«Я человек простой, ваша светлость, из народа», – подчеркнуто приниженным тоном ответил банкир.

«Эх, – собственные слова, казалось, раздирали графу нёбо, – разве не все мы из народа, в той или иной степени, как бы высоко мы ни возносились? Будем современными – не станем придавать самым обыденным вещам ненужную помпезность. Короче говоря, господин Дюран, согласны ли вы оказать мне услугу, о которой я вас прошу: да или нет?»

«Так в чем она, собственно, состоит?»

«Выполнить мой контракт с господином де Беризи, переводя на его счет те восемьсот тысяч франков, что мне осталось доплатить. Как вы понимаете, я дам все необходимые гарантии, в том числе и залог на приобретенный у маркиза лес... По правде говоря, я прошу вас предоставить мне ипотечный заем всего на несколько месяцев – вот и все».

«Только на несколько месяцев? – По-прежнему намереваясь в итоге отказать, банкир не хотел упустить возможности побольше разузнать о делах господина де Лозере. – Вы уве-

рены, что сможете погасить задолженность к этому сроку?»
«Абсолютно. Мой сын женится».

Эта новость подобно молнии разожгла воспоминания Маттье Дюрана о нанесенном ему де Лозере оскорблении; тем не менее лицо его озарилось лучезарной улыбкой:

«Как? Ваш сын? И конечно же, вы породнитесь с какой-нибудь знатной фамилией, не иначе!»

«Нет, что вы! Артур женится на дочери торговца».

«На дочери торговца?»

«Ну, это английский негодянт, уважаемый человек в Сити; вы же знаете, что в Англии подобные союзы – дело самое обыкновенное, и потом, английская буржуазия не без роду-племени, как наша, не без корней. В этой стране есть люди, которых я бы назвал буржуазной аристократией».

«Вы хотите сказать, аристократичной буржуазией».

«Да, да, вы правы, господин Дюран; я заложу приданое невестки, выполню все условия контракта и погашу свой долг перед вами».

Банкир не отвечал, и, выждав мгновение, де Лозере спросил:

«Ну как? Что вы обо всем этом думаете?»

Маттье Дюран вдруг резко поднялся и промолвил, стараясь придать голосу и осанке как можно больше возвышенности:

«Мне кажется, сударь, что вам следовало бы обсудить это предложение с маркизом де Беризи; ибо вам, аристократам равного, как я полагаю, ранга, гораздо легче прийти к

взаимопониманию. Но раз уж дворянин, близкий ко двору, опасается довериться в чем-то провинциальному дворянину, чувствуя огромную разницу в... умонастроениях, то, думаю, сударь, ваше предложение стоило бы адресовать скорее английскому негоцианту, нежели французскому банкиру, буржуа благородному, а не буржуа из простонародья».

Де Лозере побледнел; искорки ненависти вырвались из его глаз, но, сдержавшись, он поклонился и с презрением в голосе проронил:

«Вы, Матье Дюран, – мещанин, я – граф де Лозере; дистанция между нами слишком велика, чтобы я смог узреть оскорбление в ваших словах».

«Перед вами человек, который вполне способен слегка подправить вам зрение», – со злостью выпалил банкир.

«Лишь бы оно приобрело остроту шпаги, – выдохнул граф, – этого будет достаточно».

«И остроту, и длину, если вам угодно».

«Угодно!» – бросил де Лозере, удаляясь.

На следующее утро к банкиру от имени графа де Лозере пришли де Фавьери и де Беризи и попытались примирить соперников, которым ни возраст, ни положение не позволяли столь легкомысленно относиться к собственной репутации; но никакие уговоры, продолжавшиеся два или три дня, ни к чему не привели – драчуны рвались в бой. Тогда, немало удивленные подобным упрямством, маркиз и граф заявили, что не могут быть секундантами на дуэли, истинная причина

которой им неизвестна. Банкир был первым, кому они высказали это замечание, но Матье Дюран отказался раскрыть причину ссоры, сославшись на то, что ее секрет принадлежит господину де Лозере.

Де Лозере, когда ему передали ответ банкира, счел за лучшее хотя бы в общих чертах рассказать маркизу де Беризи и господину де Фавьери, зачем он нанес визит Матье Дюрану и какой неприятностью все обернулось, не преминув тем не менее отметить, что Матье Дюран повел себя как человек чести, раз не поторопился выдать чужой секрет; банкир же, в свою очередь, не смог не одобрить поведение господина де Лозере, который жертвовал своей гордыней ради устранения препятствий, мешавших их встрече с оружием в руках.

– Дуэль состоялась, – вставил поэт, – и банк лопнул.

– Нет, – возразил Дьявол, – по крайней мере, не тогда.

Теперь уже не составило большого труда заставить обоих противников признаться, что серьезной причины для поединка у них не было. В самом деле, они оба руководствовались скорее инстинктивным чувством личной неприязни, нежели чрезмерной щепетильностью в вопросах чести, и раз уж обстоятельства их ссоры стали известны, то они, опасаясь, конечно же, открыть истинную причину своей вражды, вскоре заявили о своем полном удовлетворении.

К тому же вся эта история кончилась благополучно для господина де Лозере, так как маркиз де Беризи предложил ему расторгнуть их договор по той причине, что нашелся но-

вый покупатель на его лесные угодья в лице старого господина Феликса из Марселя, который на редкость резво поспешил вмешаться, лишь бы ссора между Дюраном и де Лозере не получила серьезных последствий.

– И снова господин Феликс тут как тут в нужный момент! – воскликнул поэт. – Нет, решительно он вышел из-под пера господина Скриба² – один из тех славных малых, что при желании с легкостью найдут миллион-другой в карманах собственных штанов!

– Хм, – хмыкнул Дьявол, – это не лишено определенного высшего смысла. У древних в развязке их драм всегда появлялся бог: «*Et Deus intersit*», – как говорил Гораций³. Господин Скриб для той же цели использует миллион, и если бы я был способен во что-то верить, то предпочел бы как в литературе, так и вообще бога Миллиона божкам типа Юпитера или Аполлона.

Ответив так поэту, Дьявол продолжил свой рассказ:

– Меж тем у де Лозере, согласившегося на предложение маркиза, на счету в банке Матье Дюрана остался миллион двести тысяч франков. Банкир, как только узнал о новых намерениях де Беризи, вверившего в его распоряжение свои средства, немедленно предложил де Лозере выплатить ему

² Скриб Эжен (1791–1861) – французский актер и драматург, автор комедий интриги, комических опер и водевилей.

³ ...*Et Deus intersit*, – как говорит Гораций. – «И бог участвует» (лат.) – перифразированное выражение из «Искусства поэзии» Горация (стих 191) – «*neс Deus intersit*».

его деньги; но де Лозере посчитал делом чести просить Дюрана хранить их у себя, не желая давать недавнему недругу повод для подозрений в недоверии, которое не имело даже права возникнуть, когда удача так улыбнулась ему.

С другой стороны, Дано согласился на сделку, предложенную ему Дюраном, и последний занял место предпринимателя перед ипотечными кредиторами, а следовательно, должен был отдать этим заимодавцам миллион двести тысяч, а Дано – шестьсот тысяч франков; что вместе с ранее выданными им Дано четырьмястами тысячами составляло в сумме два миллиона двести тысяч франков – цену, за которую он приобретал недвижимость Дано.

А вскоре разразилась Июльская революция.

– Великая революция! – пылко воскликнул поэт.

– Сомнительное утверждение, – скривился Дьявол.

– Которая направила Францию по пути социального прогресса...

– И отменила закон о разводах⁴.

– ...Сбросила с пьедестала аристократию...

– И возвела на него офицеров национальной гвардии.

– ...Возвысила народную нравственность...

⁴ ...отменила закон о разводах. – Отмена закона, разрешавшего разводы, произошла в эпоху Реставрации, в 1816 году. Однако эту меру поддерживали прежде всего ультрароялисты. Поэтому уже 11 августа 1831 года перед палатой пэров депутат Шонем поставил вопрос об отмене запрета на разводы. Хотя предложение это не было принято, оно вызвало широкую дискуссию, и сторонники развода вновь обращались к законодателям в 1833–1834 годах с тем же предложением.

– И открыла танцевальный зал Мюзара⁵.

– Вы затаили злобу на нашу революцию, господин де Серни, – сделал вывод поэт.

– За что? За то, что она не принесла ничего хорошего? Так я от нее ничего и не ждал. В отличие от Матье Дюрана, который надеялся на великие перемены и дождался... банкротства.

– Как? Он разорился?

– Слушайте дальше.

⁵ *Танцевальный зал Мюзара*. – В 1830 году Ф. Мюзар стал административным директором «Варьете» и открыл новый зал для публичных балов на Елисейских Полях под названием «Концерты Мюзара». Мюзар Филипп (1793–859) – музыкант, дирижер, устроитель балов и сочинитель танцевальной музыки. Первым придумал давать концерты под открытым небом (так называемые концерты-променады), устраиваемые им балы в Опере и в театре «Варьете» пользовались большой популярностью. Современники ценили его за необычайную мелодичность собственных сочинений и умение выделять мелодию из самых сложных музыкальных произведений других композиторов. Мейербер Джакомо (наст. имя Якоб Либман Бер; 1791–864) – французский композитор, пианист, дирижер. Основоположник жанра «большой оперы» во Франции, Мейербер получил огромное признание у публики после постановки «Роберта-дьявола» (1831) и еще большее – после «Гугенотов» (1836). Однако его упрекали порой за то, что он, в отличие от Мюзара, не был «мелодистом».

Глава II

– Если я внятно разъяснил вам в начале моего рассказа на примере господина де Беризи, как Матье Дюран использовал вложенные в его банк средства, как он помещал их в государственные ценные бумаги в ожидании какой-либо выгодной операции; если я достаточно прозрачно обрисовал вам положение банкира перед лицом многочисленных клиентов, то вы должны понять, какие огромные убытки он понес, когда, вынужденный быстро возвращать все денежные вклады, находившиеся на счетах в его банке, он стал продавать пятипроцентные облигации, которые приобретал по сто десять франков, за восемьдесят семь франков и трехпроцентные, которые стоили восемьдесят два франка, по шестьдесят два.

Гигантской пертурбации, привнесенной этой революцией в коммерческие дела, хватило, чтобы обесценить государственные облигации и подорвать состояние тех, кто владел ими как залогом собственных долгов. С другой стороны, обесценилось все, особенно жилье в Париже, который моментально опустел. В результате операция с Дано, которая была бы весьма прибыльной в любое другое время, оказалась убыточной, когда Матье Дюран был вынужден все обратить в наличные, чтобы вернуть деньги вкладчикам, и он едва выручил миллион восемьсот тысяч франков за недвижимость, которая обошлась ему в два миллиона двести и за которую

он надеялся получить три миллиона⁶.

Конечно, два таких незначительных дела, как дела де Беризи и Дано, не могли поколебать такой банкирский дом, как дом Матье Дюрана, но, показав вам, сколь неприятно они завершились, я хотел, чтобы вы поняли, чем закончились многие другие дела, основанные на тех же принципах и разрушенные тем же событием. Через два месяца после Июльской революции Матье Дюран, выполнив срочные требования своих вкладчиков, оказался почти разорен и располагал лишь долгосрочными вкладами, которые еще не были востребованы.

– Разорен! – вскричал поэт. – Но он никогда не давал таких блестящих балов!

– Вам известно, что наши далекие предки наряжали свои жертвы, прежде чем умертвить их, – сказал Дьявол. – Банк еще более поэтичен, он увенчивает себя розами, прежде чем закрыть свой баланс.

Однако Матье Дюран еще не дошел до этого, так как было только три вкладчика, чьи требования могли иметь для него значение. Самым серьезным был господин де Беризи, который, как я уже говорил, доверил ему деньги, вырученные

⁶ В результате... получить три миллиона. – Как отмечает французский комментатор, Ф. Сулье необыкновенно точно запечатлел финансовый кризис, разразившийся в конце июля 1830 года, когда начались продолжительные колебания курса франка по отношению к золоту. Июльская революция пришлась на период финансовой депрессии. Хрупкая банковская система рухнула. Кризис длился до середины 1832 года.

от продажи лесных угодий господину де Феликсу, вторым – господин Дано, который оставил у банкира шестьсот тысяч франков, вырученные за свои дома, третьим был господин де Лозере, который выехал в Англию за несколько дней до Июльской революции, чтобы уладить все, связанное с жеманностью сына. Но сын господина де Лозере – дворянин, который мог достичь всего при Карле Десятом, – не показался торговцу из Сити подходящей партией при Луи-Филиппе, и господину де Лозере через два месяца пришлось вернуться во Францию, так и не осуществив радужных надежд поправить свое состояние.

Вот в каком положении относительно друг друга находились наши персонажи к первому сентября тысяча восемьсот тридцатого года.

В этот день Матье Дюран, как и в начале нашего рассказа, находился в своем кабинете, но теперь он не испытывал ни счастья, как во время нашего первого знакомства с ним, ни радостного возбуждения, как во второй раз: он был печален, хотя по-прежнему надменен, побит, но еще самонадеян. То был человек, который не сгибается даже в горе, хотя сознает всю его глубину. В кабинете банкира находились еще два наших знакомых. Первым был Дано, вторым – маркиз де Беризи, настоящий человек из народа и настоящий аристократ. Как и в первый раз, банкир внимательно читал бумагу, которая, казалось, живо его интересует. Он был так поглощен чтением, явно причинявшим ему огромное страдание, что

не мог оторвать глаз от документа, несмотря на присутствие господина Дано и маркиза.

«В чем дело? – поинтересовался наконец маркиз. – Неприятные новости?»

Матье Дюран быстро пришел в себя и ответил с волнением, которое не мог скрыть вопреки собственным стараниям:

«Нет, ничего, просто сатира, грязная сатира на меня».

«Вас это так задевает?» – спросил Дано.

«Меня задевает рука, которая ее написала, господа, – это она ранит меня больше, чем ее удары. Рука ребенка, молодого человека, которого я помог воспитать, юного Леопольда Барона. Он воспользовался образованием, которое я ему дал, и секретами, до которых я его допустил, чтобы облить меня клеветой и насмешками».

«Кто? – поразился Дано. – Этот маленький господин Леопольд, который раньше не называл вас иначе как отцом и благодетелем?»

«Именно он», – ответил Матье Дюран.

«Так, так. Сегодня я могу вам признаться, – продолжил Дано, – его экзальтированность всегда казалась мне дурной: он злой льстец».

«И как всякий льстец, превратился в хулителя, – добавил маркиз, – таково правило, ничего удивительного».

– Несколько устаревшая мораль, – заметил литератор.

– Очень юная мораль, – возразил Дьявол, – поскольку она бессмертна, а все бессмертное всегда юно.

И он продолжил:

«Оставим его, – вздохнул банкир, – я догадываюсь, господа, о цели вашего визита, вы, несомненно, пришли востребовать ваши деньги...»

Маркиз и предприниматель одновременно оборвали Матье Дюрана, затем замолчали, уступая друг другу слово.

«Говорите, сударь», – предложил маркиз.

«После вас, сударь, – возразил предприниматель, – и если вы хотите сказать что-то, чего я не должен слышать, то я оставляю вас одних».

«Останьтесь, – попросил Матье Дюран, – так как я думаю, что объяснения, которые я готов дать одному, подойдут и другому».

«Как вам угодно, – не стал спорить господин де Беризи, – я буду говорить в присутствии господина Дано, так как, если я правильно понял, нас привел сюда один и тот же мотив».

«Думаю, так», – горько согласился банкир.

«Господин Матье Дюран, вы – честный человек, – заговорил маркиз, – вы должны мне два миллиона, я пришел просить вас сохранить их».

«Что?» – вскричал банкир.

«Сударь, я разорил бы вас, если бы немедленно потребовал выдать мне все деньги, я не хочу быть участником паники, которая уже привела к стольким катастрофам, вы мой политический противник, но между нами стоит другой вопрос – вопрос порядочности. Я вам верю, я оставляю вам

мои деньги и не стану требовать их до того дня, пока вы сами не сочтете, что они вам больше совершенно не нужны».

Не могу сказать, что было сильнее: счастье оттого, что он, как честный человек, заслужил такое доверие, или унижение оттого, что ему оказывает услугу один из тех знатных господ, которых он мечтал задавить весом своего богатства. Однако после минутного колебания добрые чувства взяли верх, банкир протянул руку маркизу и с порывом произнес:

«Благодарю вас, я согласен, господин маркиз».

– А вот и мораль вашей комедии, – обрадовался литератор. – Да здравствует дворянин! Так, господин де Серни?

– Нет, сударь, – возразил Сатана, – так как в этот момент Дано, смущенный и растроганный, сказал с восхитительной и сердечной неловкостью:

«Вы должны мне всего шестьсот тысяч, но если вам будет приятно не возвращать мне их, то я не забыл, как вы спасли меня, и все, чем я могу...»

Слезы навернулись банкиру на глаза, и он вскричал:

«Ах! Вот что совершенно меня утешило! Спасибо, господин Дано, но я не могу принять ваше предложение: это все, что у вас есть, вам нужен капитал, чтобы работать».

«Меня устроит пять процентов, я достаточно обеспечен, не отказывайте мне, это меня унизит».

«Вы хорошо поступаете, сударь!» – промолвил маркиз, обернувшись к Дано.

«А вы, ваша светлость, – поддавшись собственному эн-

тузиазму, Дано употребил титул, ликвидация которого казалась ему одним из самых бесценных завоеваний Июльской революции, – вы, ваша светлость, вы поступаете гораздо благороднее, потому что я не привык быть богатым и потеря денег будет для меня не так важна, как для вас».

«Но вы не потеряете их, мой дорогой Дано, – возразил банкир, – я надеюсь, что в моих руках они принесут прибыль так же, как и деньги господина де Беризи».

Несколько минут спустя предприниматель и маркиз вместе откланялись, и у порога особняка на прощание пожали друг другу руки герой революции и знатный вельможа, бывший пэр Карла X, два честных человека. Вот моя мораль, сударь. Не считая той, что вытекает из самого конца этой истории.

Неожиданное бескорыстие двух вкладчиков вернуло Матье Дюрану уверенность, его взору уже открывалась новая финансовая карьера. Два миллиона шестьсот тысяч франков, оставленные ему маркизом и Дано, а также два миллиона двести тысяч господина де Лозере были, как я уже говорил, покрыты долгосрочными вкладами, срок которых истекал самое меньшее через год. Таким образом, Матье Дюран видел себя через год владельцем капитала в четыре миллиона, после того как аккуратно выплатит все причитающиеся проценты, следовательно, доверие к нему со стороны кредиторов, временно пошатнувшееся, должно будет окрепнуть, и так он выстоит в катастрофе, которая сокрушила банки еще

более могущественные, чем его. Ему нужен был только год, за который он надеялся вернуть средства, вложенные им в огромное число мелких предприятий, он рассчитывал получить с них еще более миллиона франков, даже если шестьдесят процентов этих предприятий разорится. Узрев такое светлое будущее, только что бывшее таким мрачным, Матье Дюран предался самым радужным мечтаниям, но почти тут же новая туча появилась на широком горизонте, который открылся перед ним, ибо всего через два часа после ухода Дано и Беризи он получил письмо от господина де Лозере, который сообщал о своем возвращении из Англии и просил приготовить ему миллион двести тысяч франков, которые он оставил в кассе Матье Дюрана.

Требование графа вновь перевернуло дела банкира. Чтобы удовлетворить его, ему пришлось бы срочно влезть в долги или уступить часть вкладов, на которые он так рассчитывал, и, следовательно, снова понести потери, поскольку время было такое, что и занять было очень непросто, и продать на обычных условиях невозможно. Матье Дюран почувствовал себя на краю пропасти, хотя еще час назад его актив превосходил его пассив, но, вступив в переговоры с кредиторами, он раскроет, что его средства почти иссякли. Это означало потерять доверие, главное достояние банкира, доверие, которое до сего момента, по правде говоря, было полным и безоговорочным.

Матье Дюран долго размышлял над своим новым положе-

нием, он рассмотрел все его неприятные последствия и понял, что на карту поставлена его финансовая и политическая карьера. Он подумал о судьбе своей дочери, представил, как порадуются его давние недруги, и признал наконец, что его может спасти только решительный шаг: он быстро собрался к господину де Лозере.

Когда графу доложили о банкире, тот припомнил, как долго тот заставил его промучиться в своей приемной. Какое-то мгновение ему хотелось отплатить банкиру той же монетой, но поскольку до графа де Лозере уже дошли слухи о шатком положении Матье Дюрана, то граф был всерьез озабочен судьбой своего вклада, и интересы состояния перевесили интересы самолюбия. Он приказал немедленно впустить Матье Дюрана, и таким образом два самозванца во второй раз остались наедине друг с другом.

Характер Матье Дюрана отличался от характера господина де Лозере прежде всего умением быстро принимать решения и чувством собственного достоинства, которое находит удовлетворение даже в добровольном унижении, тогда как тщеславие господина де Лозере зиждилось на нерешительной натуре, использующей любые лазейки, лишь бы избежать подчинения, к которому вынуждают обстоятельства. Когда Матье Дюран очутился перед господином де Лозере, он не испытывал ни малейшего смущения и заговорил с ним прямо, как человек, твердо уверенный в своем решении. Он начал разговор так:

«Сударь, я пришел сдатьсь вам».

«Что вы имеете в виду, сударь?» – Граф скорее беспокоился, чем возгордился, оказавшись хозяином судьбы человека, которого ненавидел больше всех на свете.

«Я вам все объясню, сударь», – предложил банкир.

Он без обиняков рассказал господину де Лозере о состоянии своих дел, так же как я попытался объяснить их вам, и закончил свое признание следующими словами:

«Как видите, сударь, ваши средства, которые вы мне доверили, совершенно гарантированы, и если вы сомневаетесь в моем слове, то, возможно, мои грессбухи убедят вас...»

Господин Лозере внимательно выслушал Матье Дюрана и с радостью, которую ему удалось ловко скрыть, признал, что его вклад находится в полной безопасности. Убедившись в платежеспособности своего банкира, он хотел только взять жестокий реванш за оскорбление, нанесенное ему в недавнем прошлом, и, прервав Матье Дюрана на полуслове, сказал:

«Грессбухи господ банкиров говорят то, что угодно их хозяевам, ваш иероглифический или, скорее, резиновый язык доказывает богатство или нищету в зависимости от ваших нужд. Признаюсь вам, сударь, я ни на грош не верю подобным свидетельствам».

Банкир кусал губы, но был полон решимости спасти одновременно свое состояние и свою репутацию и ради будущего пожертвовал настоящим. Дюран так ответил господину

де Лозере:

«Меня не удивляет, сударь, что вы разделяете предрассудки светских людей относительно ведения учета и бухгалтерии в банкирских домах. Все эти бесчисленные записи, которые мы ввели, чтобы предупредить за счет их строжайшей взаимопроверки малейшие ошибки, представляются в глазах тех, кто их не понимает, лишь запутанным лабиринтом, в котором должны заблудиться любые заинтересованные лица. Я не могу сердиться на вас за ваши обвинения, но есть между нами нечто более прочное, более понятное: слово человека чести, и его должно хватить».

«А если, сударь, мне этого недостаточно?» – продолжал упорствовать граф.

«Вы сомневаетесь в моем слове?» – вскричал Матье Дюран.

«Предположим, я не сомневаюсь в вашей честности, сударь, но разве я не могу усомниться в ваших прогнозах? Состояние, подобное состоянию Матье Дюрана, разрушенное в несколько месяцев, – разве свидетельствует оно о большой дальновидности и ловкости?»

«Вы забываете, что понадобилась революция, чтобы пошатнуть его!»

«Вы забываете, что вы один из тех, кто помог ей свершиться!»

«Мне кажется, я не обязан отчитываться перед вами за мои убеждения».

«Но вы обязаны отчитаться передо мной за мои деньги, сударь».

«Я это сделал».

«Мне не нужны слова, сударь. Когда я говорю, что мне нужны деньги, что они нужны мне завтра, я хочу слышать звон монет».

«Я дал вам понять, – банкир сжимал губы, чтобы не дать вырваться наружу ярости, которая раздирала его, – я дал вам понять, что это невозможно».

«Суд докажет вам, что нет ничего более возможного».

«Мне? Мне предстать перед судом?» – возмутился Матье Дюран.

«Да, именно туда отправляются бесчестные люди, которые не отдают своих долгов».

«Есть другое место, сударь, – высокопарно заявил банкир, – куда отправляются честные люди, которые отдают свои долги».

«Когда это случится, сударь, – сказал граф, – я подумаю, должен ли такой человек, как я, следовать туда за таким человеком, как вы».

«Вам придется принять это решение гораздо быстрее, чем вы думаете».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.